

Посвящается Даниэль Дарьё

Дорогой Бог!

Меня зовут Оскар. Мне десять лет, я умудрился поджечь нашего кота, собаку и весь дом (кажется, даже поджарил золотых рыбок), и я пишу тебе в первый раз, потому что прежде мне было совершенно некогда из-за школы.

Сразу предупреждаю: письменные упражнения наводят на меня ужас. По правде, надо, чтобы уж совсем приперло. Потому что писанина — это разные там гирлянды, помпончики, улыбочки, бантики и все такое. Писанина — это всего лишь завлекательные враки. Словом, взрослые штучки.

Могу доказать. Взять хоть начало моего письма: «Меня зовут Оскар. Мне десять лет, я умудрился поджечь нашего кота, собаку и весь дом (кажется, даже поджарил золотых рыбок), и я пишу тебе в первый раз, потому что прежде мне было совершенно некогда из-за школы». Я мог с таким же успехом написать так: «Меня прозвали Яичная Башка, на вид мне лет семь, я живу в больнице, потому что у меня рак, я никогда не обращался к тебе ни с единым словом, потому что вообще не верю, что ты существуешь».

Только напиши я так, все обернулось бы скверно и у тебя вообще пропал бы ко мне всякий интерес. А надо-то как раз, чтобы ты заинтересовался мной.

Меня устроит, если у тебя найдется время кое в чем помочь мне.

Я сейчас все тебе растолкую.

Больница — это классное место, здесь полно взрослых, пребывающих в отличном настроении, говорят они довольно громко, здесь полно игрушек и розовых тетенок, которые просто жаждут поиграть с детьми, к тому же здесь всегда под рукой масса приятелей вроде Бекона, Эйнштейна или Попкорна, короче, больница — это кайф, если ты приятный больной.

Но я уже не приятный больной. После того как мне сделали пересадку костного мозга, я чувствую, что я им больше не приятен. Нынче утром, когда доктор Дюссельдорф осматривал меня, я, похоже, разочаровал его. Он, не говоря ни слова, глядел на меня так, будто я совершил какую-то ошибку. А ведь я старался во время операции — вел себя благоразумно, позволил усыпить себя, даже не стонал, хоть было больно, послушно принимал всякие лекарства. В иные дни мне хотелось просто наорать на него, сказать ему, что, может быть, это он, доктор Дюссельдорф, со своими угольными бровищами, профукал мою операцию. Но вид у него при этом такой несчастный, что брань застревает у меня в глотке. Чем более сдержанно этот доктор Дюссельдорф со своим огорченным взглядом ведет себя, тем более виноватым я себя чувствую. Я понял, что сделался скверным больным, больным, который мешает верить, что медицина — замечательная штука.

Эти врачебные мысли — они, наверное, заразные.

Теперь все на нашем этаже: медсестры, практиканты, уборщицы — смотрят на меня точно так же, как он. Когда я в хорошем настроении, у них грустные физиономии; когда я отпускаю шуточки, они силятся рассмеяться. По правде говоря, они смеются громче, чем прежде.

Не переменялась только Бабушка Роза. Но, по-моему, она слишком стара, чтобы меняться. К тому же это ведь Бабушка Роза. Ах да, Бог, я не собираюсь тебя с ней знакомить; судя по тому, что именно она посоветовала написать тебе, это твоя добрая приятельница. Загвоздка в том, что один я называю ее Бабушка Роза. Тебе придется поднатужиться, чтобы представить себе, о ком я говорю: среди всех тетенок в розовых халатах, что приходят приглядывать за больными детьми, она самая старая.

— Бабушка Роза, а сколько вам лет?

— Оскар, малыш, ты что, можешь запомнить тринадцатизначное число?

— Заливаете!

— Ничего подобного. Просто нельзя, чтобы здесь узнали, сколько мне лет, иначе я вылечу отсюда и мы больше не увидимся.

— Почему?

— Я устроилась сюда контрабандой. Для сиделок установлен предельный возраст. А я уже здорово перебрала свой срок.

— Так вы просрочены?

- Ага.
- Как йогурт?
- Цыц!
- О'кей, буду нем как рыба.

Это было чертовски храбро с ее стороны доверить мне свой секрет. Но она сделала верную ставку. Я буду глух и нем, хоть удивительно, что никто ничего не заподозрил. У нее столько морщинок, расходящихся вокруг глаз, как солнечные лучики.

В другой раз я узнал еще один ее секрет, и уж тут-то ты, Бог, точно сразу должен ее узнать.

Мы прогуливались в больничном парке, и она угодила ногой в грязь.

- Вот говно!
- Бабушка Роза, да вы ругаетесь по-черному!
- Слушай, карапуз, отвали, как хочу, так и говорю.
- Ох, Бабушка Роза!
- И давай пошевеливайся. Мы как-никак гуляем, а не устраиваем черепашьи бега!

Мы присели на скамейку, достали карамельки, и тут я спросил ее:

- А чего это вы так выражаетесь?
- Ну, это профессиональная болезнь, Оскар. Если бы я использовала только деликатные выражения, то давно бы прогорела с моим ремеслом.
- А чем вы занимались?
- Ни за что не поверишь...
- Клянусь, поверю.
- Я занималась борьбой, кэччем, выступала на арене.
- Не верю!
- Точно выступала! Меня прозвали Душительницей из Лангедока.

С тех пор, стоило мне впасть в угрюмое настроение, Бабушка Роза, убедившись, что нас никто не слышит, рассказывала мне о своих знаменитых схватках: о поединке Душительницы из Лангедока с Лимузенской Мясорубкой, о том, как она целых двадцать лет сражалась с Дьяволицей Сенклер, у которой были не груди, а ядра, и еще о поединке на кубок мира против Уллы-Уллы по прозвищу Овчарка Бухенвальда, ту никто не мог уложить на лопатки,

даже Стальная Задница, с которой Бабушка Роза брала пример, когда занималась борьбой.

Все эти схватки виделись мне как наяву, я воображал свою приятельницу на ринге: маленькая старушка в развевающемся розовом халате задает взбучку людоедкам в трико. Мне казалось, что все это происходит со мной. Я становился сильнее, я мстил своим недругам.

Ну вот, Бог, если, несмотря на все эти приметы, ты все еще не припомнил Бабушку Розу, тебе следует сказать «стоп» и подать в отставку. Я, кажется, ясно выразился?

Вернись к своим делам.

Короче, моя операция сильно их разочаровала. Химиотерапия тоже, но не так сильно, поскольку тогда еще оставалась надежда на пересадку мозга. Теперь мне кажется, что лекари не знают, что еще предложить, прямо жалко их. Доктор Дюссельдорф — мама находит его весьма привлекательным, а я нахожу, что у него с бровями перебор, — так вот, у него теперь такое огорченное лицо, прямо Дед Мороз, у которого не хватило на всех подарков.

Словом, атмосфера ухудшилась. Я поговорил об этом со своим приятелем Беконем. На самом деле его зовут не Бекон, а Ив, но мы прозвали его Бекон, поскольку он здорово пригорел.

— Бекон, у меня такое впечатление, что врачи совсем меня разлюбили, я на них плохо действую.

— Еще чего, Яичная Башка. Врачи просто так не сдадутся. У них всегда в запасе куча идей насчет того, что с тобой еще можно проделать. Я тут подсчитал, что они пообещали мне не меньше шести операций.

— Наверное, ты их вдохновляешь.

— Надо думать.

— Но почему бы им не сказать мне просто, что я умру?

И тут Бекон словно оглох, как и все прочие здесь, в больнице. Если ты произносишь здесь слово «смерть», никто этого не слышит. Можешь быть уверен, оно улетает в какую-то дыру, потому что они сразу начинают говорить о другом. Я на всех это проверил. Кроме Бабушки Розы.

Итак, сегодня утром я решил испытать и ее.

— Бабушка Роза, похоже, никто не намерен сообщить мне, что я умираю.

Она посмотрела на меня. Что, если она отреагирует как все? Умоляю, Душительница из Лангедока, не сдавайся, не глохни!

— Оскар, а почему ты хочешь, чтобы тебе сказали это, если тебе и так это известно?

Уф-ф! Она услышала.

— Мне кажется, Бабушка Роза, что люди изобрели какую-то иную больницу, чем на самом деле. Они ведут себя так, будто в больницу ложатся лишь затем, чтобы выздороветь. Но ведь сюда приходят и умирать.

— Ты прав, Оскар. Думаю, что ту же самую ошибку совершают и по отношению к жизни. Мы забываем, что жизнь — она тонкая, хрупкая, эфемерная. Мы делаем все, чтобы казаться бессмертными.

— С моей операцией ничего не вышло, ведь так, Бабушка Роза?

Бабушка Роза не ответила. Это был ее способ говорить «да». Уверившись, что я ее понял, она склонилась ко мне и умоляюще произнесла:

— Разумеется, я тебе ничего не говорила. Поклянись!

— Клянусь.

Мы ненадолго замолчали, чтобы свыкнуться с новыми соображениями.

— Оскар, — внезапно сказала она, — а что, если написать Богу?

— О нет, только не вы, Бабушка Роза!

— Что? Почему не я?

— Не вы! Я-то думал, вы не можете обманывать.

— Но я тебя не обманываю.

— Тогда почему вы заговорили о Боге? Хватит, я уже слышал байку про Деда Мороза. Одного раза достаточно!

— Но Оскар, между Богом и Дедом Морозом нет ничего общего.

— Нет, есть. Это одно и то же. Акционерное общество «Запудривание мозгов и компания»!

— Ты воображаешь себе, что я, проведя тридцать лет на арене, из ста шестидесяти пяти боев выиграв сто шестьдесят, из них сорок три нокаутом, я, Душительница из Лангедока, могу хоть на секунду поверить в Деда Мороза?

— Нет.

— Так вот, в Деда Мороза я не верю, я верю в Бога.

Когда так говорят, это точно другое дело.

— А зачем мне писать Богу? — спросил я.

— Тебе будет не так одиноко.

— Не так одиноко с кем-то, кого не существует?

— Сделай, чтобы он существовал.

Она склонилась над моим изголовьем:

— Стоит тебе поверить в него, и он с каждым разом будет становиться чуть более реальным. Прояви упорство, и он действительно будет существовать для тебя. И тогда это принесет тебе благо.

— Что же мне написать ему?

— Поверь ему свои мысли. Невысказанные мысли навязчивы, они тяготят, печалят тебя, лишают подвижности, не дают прорезаться новым мыслям. Если их не высказывать, то мозг превратится в вонючую свалку старых мыслей.

— Ну допустим.

— И потом, учти, Оскар, обращаясь к Богу, можно каждый раз просить лишь что-нибудь одно. Запомни, только одно!

— Бабушка Роза, да он просто слабак, этот ваш Бог. Аладдин с его джинном и лампой и то мог загадать целых три желания.

— Но разве не лучше одно желание в день, чем три за всю жизнь?

— О'кей. Итак, я могу попросить у него что угодно? Игрушки, конфеты, машину...

— Нет, Оскар. Не путай Бога с Дедом Морозом. Ты можешь просить у него только о духовных вещах.

— Например?

— Например, о храбрости, терпении, просветлении.

— Ага, понятно.

— Кроме того, Оскар, ты можешь подсказать ему, чтобы он проявил милосердие к другим.

— Ну уж фигурки, Бабушка Роза, всего одно желание в день — я уж точно поберегу его для себя!

Ну вот, Бог, это мое первое письмо к тебе. Я немножко рассказал, какую жизнь веду здесь, в больнице, где меня рассматривают как помеху медицине. Теперь прошу тебя, внеси ясность: удастся ли мне выздороветь? Ответь: да или нет. Это вроде не слишком сложно. Да или нет. Ненужное зачеркнуть.

До завтра.

Целую,

Оскар

Р. С. У меня нет твоего адреса, как же отправить тебе это письмо?

Дорогой Бог!

Браво! Ну ты силен. Не успел я отправить тебе письмо, как уже получил ответ. Как это у тебя выходит?

Сегодня утром, когда я играл в холле в шахматы с Эйнштейном, Попкорн заглянул туда, чтобы предупредить меня:

— Здесь твои родители.

— Мои родители? Не может быть. Они приезжают только по воскресеньям.

— Я видел их машину, красный джип с белым верхом.

— Да быть не может.

Пожав плечами, я вернулся к шахматной доске. Но не мог сосредоточиться, к тому же Эйнштейн прихватил мои фигуры, и это меня еще сильнее взвинтило. Его зовут Эйнштейн вовсе не потому, что он умнее других, просто у него голова в два раза больше. Сдается, что там, внутри, вода. Жалко, что это стряслось именно с мозгом, а то Эйнштейн мог бы такого натворить...

Увидев, что дело идет к развязке, я прекратил игру и потащился за Попкорном в палату, выходящую окнами на автостоянку. Он был прав: это точно прибыли мои.

Надо тебе сказать, Бог, что наш дом отсюда далеко. Я не понимал этого, когда жил там, но теперь, когда я там больше не живу, мне кажется, что это и вправду далеко. К тому же родители могут навещать меня лишь раз в неделю, по воскресеньям, так как по воскресеньям они не работают, ну а я тем более.

— Ну, убедился, кто прав? — сказал Попкорн. — Чего ты мне дашь за то, что я тебя предупредил?

— У меня есть шоколад с орехами.

— А клубники больше нет?

— Нет.

— О'кей, тогда согдится и шоколадка.

Конечно, я не имел права подкармливать Попкорна, его положили в больницу как раз затем, чтобы он похудел. В девять лет — девяносто восемь кило при габаритах метр десять на метр десять. Единственное, что он мог на себя натянуть, это был американский полосатый свитер-поло. Притом от этих полосок у всех начиналась морская болезнь. Честно говоря, ни я и никто из моих друзей не верим, что ему когда-нибудь удастся похудеть, он вечно ходит такой голодный, что нам становится его жалко и мы подсовываем ему недоеденные куски. Что такое жалкая шоколадка по сравнению с такой массой жира! Конечно, может, мы и не правы, но ведь даже сиделки прекратили начинять его слабительными свечками.

Я вернулся в свою палату, ожидая, что родители вот-вот зайдут. Поначалу я, запыхавшись, не понял, сколько прошло времени, потом сообразил, что они уже двадцать раз добрались бы до меня.

Вдруг до меня дошло, где они могут быть. Я выскользнул в коридор, никто этого не заметил; спустился по лестнице, потом в полутьме доковылял до кабинета доктора Дюссельдорфа.

Точно! Они были там. Из-за двери доносились их голоса. Я совсем выбился из сил, поэтому пришлось выждать несколько секунд, чтобы сердце плюхнулось на место, и вот тут-то все и стряслось. Я услышал то, чего не должен был слышать. Мама рыдала, доктор Дюссельдорф повторял: «Мы уже все испробовали, поверьте, мы уже все испробовали», и мой отец отвечал севшим голосом: «Я в этом уверен, доктор, я в этом уверен».

Я застыл на месте, приклеившись ухом к железной двери. Не знаю, что было холоднее — металл или я сам.

Потом доктор Дюссельдорф сказал:

— Вы хотите навестить его?

— У меня просто не хватит духу, — ответила моя мать.

— Нельзя, чтобы он увидел, в каком мы состоянии, — добавил отец.

И вот тут я понял, что мои родители просто трусы. Нет, хуже: трусы, которые и меня считают трусом!

Из кабинета донесся шум отодвигаемых стульев, я догадался, что они сейчас появятся на пороге, и юркнул в первую попавшуюся дверь.

Так я очутился в чулане, где хранили хозяйственную утварь, там, взаперти, я и провел остаток утра, поскольку, как тебе известно, эти шкафчики можно открыть только снаружи, а не изнутри.

Наверное, люди опасаются, что ночью все эти швабры, ведра и тряпки могут сбежать!

Во всяком случае сидеть там, в темноте, было совсем нетрудно, поскольку мне больше не хотелось никого видеть, а после шока от всего услышанного руки и ноги будто отнялись.

Где-то в полдень на верхнем этаже начался изрядный переполох. Я услышал шаги, больницу прочесывали цепью. Потом повсюду принялись выкрикивать мое имя:

— Оскар! Оскар!

Было приятно слышать, что тебя зовут, и не отвечать. Мне захотелось одурочить всех на свете.

Кажется, я немного вздремнул, потом различил шарканье башмаков уборщицы мадам Н'да. Она распахнула дверь, и тут мы оба и вправду напугались и завопили что есть мочи: она — потому что не ожидала наткнуться здесь на меня, а я — потому что забыл, что она такая черная. Да и вопила она неслабо.

Потом была заваруха. Сбежались все: доктор Дюссельдорф, старшая медсестра, дежурные сестры, обслуживающий персонал. Я-то ожидал, что они разнесут меня в пух и прах, а они чуть не хлопали носами, и я сообразил, как можно воспользоваться этой ситуацией.

— Хочу видеть Бабушку Розу.

— Но где ты был, Оскар? Как ты себя чувствуешь?

— Хочу видеть Бабушку Розу.

— Как ты очутился в этом чулане? Ты за кем-то следил? Ты слышал что-нибудь?

— Хочу видеть Бабушку Розу.

— Выпей воды.

— Нет. Хочу видеть Бабушку Розу.

— Выпей глоточек...

— Нет. Хочу видеть Бабушку Розу.

Гранит. Скала. Бетонная дамба. Все их расспросы ни к чему не привели. Я вообще не слушал, что они мне говорили. Я хотел видеть Бабушку Розу.

Доктор Дюссельдорф, очень недовольный тем, что его коллеги никак не могут повлиять на меня, наконец дрогнул:

— Разыщите эту даму!

Тут я согласился передохнуть и ненадолго прилег в своей палате.

Когда я проснулся, Бабушка Роза была здесь. Она улыбалась.

— Браво, Оскар, твоя атака удалась. Ты им здорово наподдал. Но в результате теперь они завидуют мне.

— Плевать.

— Это славные люди, Оскар. Очень славные.

— А мне на это плевать.

— Что-то случилось?

— Доктор Дюссельдорф сказал моим родителям, что я скоро помру, и они удрали, поджав хвост. Ненавижу их.

Я ей подробно рассказал обо всем, ну как тебе, Бог, в этом письме.

— Мм, — протянула Бабушка Роза, — это напомнило мне мой поединок в Бетюне с Сарой Ап-и-Шмяк, атлеткой, вечно намазывавшейся маслом. Эта верткая как угорь трюачка боролась почти обнаженной, да еще маслом натиралась, так и выскальзывала из рук во время захвата. Она выходила на ринг только в Бетюне и каждый год выигрывала там кубок. Но мне так хотелось заполучить этот бетюнский кубок!

— И что же вы сделали, Бабушка Роза?

— Пока она поднималась на ринг, мои друзья обсыпали ее мукой. Масло плюс мука — отличная панировка. В два притопа три прихлопа я отправила на ковер эту Сару Ап-и-Шмяк. После этой схватки ее называли не Угрем Ринга, а Панированной Треской.

— Бабушка Роза, простите, но я не вижу тут никакой связи.

— А я ее прекрасно вижу. Всегда есть выход, Оскар, всегда можно что-то придумать, вроде этого трюка с пакетом муки. Знаешь что, тебе нужно написать Богу. Он все же помощнее, чем я.

— Даже на ринге?

— Да. Даже на ринге. У Бога все схвачено. Попробуй, малыш. Что тебя больше всего мучает?

— Ненавижу, просто ненавижу своих родителей!

— Тогда ненавись их как можно сильнее.

— Вы мне такое говорите, Бабушка Роза?

— Да. Ненавись их как можно сильнее. Это будет как кость. А когда ты ее догрызешь, то увидишь, что оно того не стоило. Расскажи все это Богу в своем письме, попроси его навестить тебя.

— Он что, может двигаться?

— На свой лад. Нечасто. Скорее даже редко.

— Почему? Он тоже болен, как я?

Бабушка Роза вздохнула, похоже, ей не хотелось признать, что и ты, Бог, чувствуешь себя неважно.

— Оскар, разве твои родители никогда не говорили тебе о Боге?

— Да бросьте. Мои родители просто болваны.

— Ну да. Но разве они никогда не говорили с тобой о Боге?

— Говорили. Только один раз. Сказали, что не верят в него.

Они верят лишь в Деда Мороза.

— Малыш, они что, настолько глупы?

— Вы представить себе не можете! Однажды я вернулся из школы и сказал им, что хватит выставлять меня идиотом, что я, как и все мои приятели, знаю, что Деда Мороза нет и не было. Они выглядели так, будто с Луны свалились. Я был чертовски взбешен: надо же было разыграть из себя такого кретина на школьном дворе, и они тут же поклялись, что вовсе не хотели меня обманывать, что искренне верили, что Дед Мороз существует. Они были страшно разочарованы, ну да, страшно разочарованы, узнав, что это неправда! Говорю вам, Бабушка Роза, дважды придурки!

— Так, значит, они не верят в Бога?

— Нет.

— И это тебя не зацепило?

— Если бы я интересовался, о чем думают всякие болваны, у меня не хватило бы времени на то, о чем думают умные люди.

— Ты прав. Но тот факт, что твои родители, как ты говоришь, болваны...

— Ну да. Уж точно болваны, Бабушка Роза!

— Так вот, пусть твои родители заблуждаются и не верят в Бога, но почему тебе-то самому в него не поверить и не попросить его навестить тебя?

— Ладно. Но вы ведь не говорили, что он прикован к постели?

— Нет. Но у него есть свой особый способ навещать людей. Он навестит тебя в мыслях. В твоём сознании.

Это мне понравилось. Это сильно.

Бабушка Роза добавила:

— Вот увидишь, его посещения приносят благо.

— О'кей. Я поговорю с ним об этом. А сейчас, если мне что-то и приносит благо, так это ваши посещения.

Бабушка Роза улыбнулась и с почти смущенным видом склонилась, чтобы поцеловать меня в щеку. Но не осмелилась. Она взглядом попросила позволения.

— Валяйте. Обнимите меня. Другим я об этом не скажу. Чтобы не уронить вашу борцовскую репутацию.

Ее губы прикоснулись к моей щеке, я ощутил тепло и легкое покалывание, пахнуло пудрой и мылом.

— Когда вы опять придете ко мне?

— Я имею право приходить не чаще двух раз в неделю.

— Это невозможно, Бабушка Роза! Ждать три долгих дня!

— Таково правило.

— Кто выдумал это правило?

— Доктор Дюссельдорф.

— Этот доктор Дюссельдорф теперь при виде меня готов напрудить в штаны. Спросите у него разрешения, Бабушка Роза. Я не шучу.

Она нерешительно поглядела на меня.

— Я не шучу. Если вы не будете навещать меня каждый день, я не стану писать Богу.

— Ладно, я попробую.

Бабушка Роза вышла из палаты, и я расплакался.

Я не сознавал прежде, что нуждаюсь в поддержке. Не сознавал, насколько серьезно я болен. При мысли, что мне, возможно, больше не удастся увидеть Бабушку Розу, я вдруг понял все, и у меня из глаз покатались слезы, обжигавшие щеки.

К счастью, она вернулась не сразу.

— Все устроилось, у меня есть разрешение. В течение двенадцати дней я могу навещать тебя каждый день.

— Меня, и никого, кроме меня?

— Тебя, и никого, кроме тебя, Оскар. Двенадцать дней.

Тут уж я не знаю, что меня так разобрало, но слезы потекли вновь. Хотя мне было известно, что мальчики не должны плакать, тем более я с моей яичной башкой — ни мальчишка, ни девчонка, так, скорее марсианин. Ничего не поделаешь. Просто не мог удержаться.

— Двенадцать дней? Все так уж плохо, да, Бабушка Роза?

Ее это тоже тронуло до слез. Она колебалась. Бывшая циркачка не позволяла распускаться бывшей девчонке. Было забавно наблюдать за этой борьбой, и я немного отвлекся от сути дела.

— Какой сегодня день, Оскар?

— Что за вопрос! Видите мой календарь? Сегодня девятнадцатое декабря.

— Знаешь, Оскар, в наших краях есть легенда о том, что в течение двенадцати дней уходящего года можно угадать погоду на следующие двенадцать месяцев. Достаточно каждый день наблю-

дать за погодой, чтобы получить в миниатюре целый год. Девятнадцатое декабря представляет январь, двадцатое — февраль, и так далее, до тридцать первого декабря, которое предвещает следующий декабрь.

— Это правда?

— Это легенда. Легенда о двенадцати волшебных днях. Мне бы хотелось, чтобы мы, мы с тобой, сыграли в это. Главным образом ты. Начиная с сегодняшнего дня смотри на каждый свой день так, будто он равен десяти годам.

— Десяти годам?

— Да. Один день — это десять лет.

— Тогда через двенадцать дней мне исполнится сто тридцать!

— Да. Теперь ты понял?

Бабушка Роза обняла меня — чувствую, она явно вошла во вкус, — и потом удалилась.

Ну так вот, Бог: я родился сегодня утром, ну, это я довольно слабо помню; к полудню все стало яснее; когда мне стукнуло пять лет, я вошел в сознание, но это принесло не слишком хорошие вести; сегодня вечером мне исполнилось десять, это возраст разума. Воспользуюсь этим, чтобы попросить тебя об одной вещи: если соберешься сообщить мне что-нибудь, как вот нынче, в полдень, все же делай это помягче. Спасибо.

До завтра. Целую,

Оскар

P. S. Прошу тебя еще об одной штуке. Знаю, что только что уже использовал свое право, но это не совсем желание, скорее совет.

Я согласен на короткую встречу. Воображаемую, а вовсе не наяву. Это неслабо. Мне бы очень хотелось, чтобы ты навестил меня. Я открыт с восьми утра до девяти вечера. В остальное время я сплю. Иногда я даже днем могу ненадолго вздремнуть из-за лекарств. Если застанешь меня в этом состоянии, буди безо всяких колебаний. Только идиот мог бы упустить такую минуту!

Дорогой Бог!

Сегодня я переживаю подростковый период, и, между прочим, не в одиночку. Вот история! Выдалась масса хлопот с приятелями, родителями, и все из-за девчонок. Уже вечер, и я не слишком печалюсь по поводу того, что мне исполнилось двадцать, потому что могу сказать себе: уф, худшее позади. Вот уж спасибочки за это половое созревание! Один раз еще можно пережить, но снова — ни за что!

Прежде всего, Бог, доведу до твоего сведения: ты не явился. Я сегодня почти не спал из-за возрастных проблем, значит, не мог прошляпить твой приход. И потом, я тебе уже говорил: если я вздремнул, растолкай меня.

Когда я проснулся, Бабушка Роза была уже здесь. За завтраком она рассказывала мне о своих схватках с Королевской Титькой из Бельгии, которая поглощала по три кило сырого мяса в день, заливая это бочонком пива; похоже, что вся сила этой Королевской Титьки заключалась в выдохе: такой запашок из-за перебродившего пива с мясом — ее соперники просто штабелями валялись на ковер. Чтобы победить ее, Бабушке Розе пришлось изобрести новую тактику: надеть специальный капюшон с отверстиями для глаз, пропитав его лавандой, и назваться Ужасом Карpentра. Борьба, как она говорит, требует, чтобы в мозгу тоже были мускулы.

— Кто тебе нравится больше всех, Оскар?

— Здесь, в больнице?

— Да.

— Бекон, Эйнштейн, Попкорн.

— А из девочек?

Тут я привял. Отвечать не хотелось. Но Бабушка Роза ждала, а перед спортсменкой мирового класса не станешь долго ломать комедию.

— Пегги Блю.

Пегги Блю, голубая девочка. Она лежит в предпоследней палате. Почти ничего не говорит, только смущенно улыбается. Будто фея, которая вдруг очутилась в больнице. У нее какая-то мудреная болезнь — голубая, что-то там с кровью, которая должна попадать в легкие, но не попадает, и кожа внезапно синеет. Она ждет операции, чтобы сделаться розовой. Жалко, если это произойдет, мне кажется, в голубом Пегги Блю тоже очень красивая. Вокруг нее столько света и тишины... Стоит подойти, и будто попадаешь под своды церкви.

— А ты говорил ей об этом?

— Не могу же я ни с того ни с сего нарисоваться перед ней и заявить: «Пегги Блю, я тебя люблю».

— Вот именно. Почему ты этого не сделал?

— Я даже не знаю, знает ли она, что я вообще существую.

— Тем более.

— Да вы посмотрите на мою голову? Разве что она обожает инопланетян, но в этом я как раз не уверен.

— А мне ты кажешься очень красивым, Оскар.

После этого замечания Бабушки Розы наша беседа застыла. Конечно, приятно слышать такое, даже волоски на руках дыбом встают, но непонятно, что тут ответить.

— Бабушка Роза, но ведь хочется, чтобы ей нравилось не только тело.

— Слушай, что ты чувствуешь, когда видишь ее?

— Мне хочется защитить ее от призраков.

— Как? Здесь что, появляются призраки?

— Ага, притом каждую ночь. Они нас будят, уж не знаю зачем. Это больно, потому что они щиплются. Становится страшно, ведь их не видно. А потом никак не заснуть.

— А тебе эти призраки часто являлись?

— Нет. Сплю я крепко. Но по ночам я иногда слышу, как кричит Пегги Блю. Мне так хотелось бы защитить ее.

— Скажи ей об этом.

— Я по-любому не могу это сделать, потому что ночью мы не имеем права выходить из палаты. Такой режим.

— А разве призраки соблюдают режим? Нет, разумеется, нет. Будь похитрее: если они услышат, как ты объявил Пегги Блю, что будешь защищать ее, то ночью они не посмеют явиться.

— Н-да...

СОДЕРЖАНИЕ

Оскар и Розовая Дама. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	5
Мсье Ибрагим и цветы Корана. <i>Перевод Д. Мудролюбовой</i>	51
Дети Ноя. <i>Перевод А. Браиловского</i>	83
Евангелие от Пилата. <i>Перевод А. Григорьева</i>	159
Женщина в зеркале. <i>Перевод А. Ренье, Г. Погожевой</i>	315
Ночь огня. <i>Перевод Н. Хотинской</i>	617
Одетта. Восемь историй о любви	
Одетта Тульмонд. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	711
Ванда Виннипег. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	734
Прекрасный дождливый день. <i>Перевод Д. Мудролюбовой</i>	750
Незванная гостя. <i>Перевод Д. Мудролюбовой</i>	764
Подделка. <i>Перевод Д. Мудролюбовой</i>	782
Все, чтобы быть счастливой. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	797
Босоногая принцесса. <i>Перевод Д. Мудролюбовой</i>	815
Самая прекрасная книга на свете. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	823
Концерт «Памяти ангела»	
Отравительница. <i>Перевод А. Петровой</i>	837
Возвращение. <i>Перевод М. Брусовани</i>	867
Концерт «Памяти ангела». <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	882
Любовь в Елисейском дворце. <i>Перевод Г. Погожевой</i>	920